

ИММАНУИЛ

КАНТ

Умение ставить разумные вопросы
есть уже важный и необходимый
признак ума или проницательности

Я называю чистыми (в трансцендентальном
смысле) все представления, в которых нет
ничего, что принадлежит к ощущению

Все изменчивое есть не что иное,
как определение устойчивого
существования

КРИТИКА ЧИСТОГО РАЗУМА

С КОММЕНТАРИЯМИ
И ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

Популярная философия с иллюстрациями

Иммануил Кант

**Критика чистого разума. С
комментариями и иллюстрациями**

«Издательство АСТ»

1781

УДК 1(091)(430)
ББК 87.3(4Гем)

Кант И.

Критика чистого разума. С комментариями и иллюстрациями
/ И. Кант — «Издательство АСТ», 1781 — (Популярная
философия с иллюстрациями)

ISBN 978-5-17-146235-2

Иммануил Кант – основатель немецкой классической философии и критического идеализма, мыслитель, по степени влияния стоящий рядом с Платоном и Аристотелем. В настоящее издание включены две работы известного «критического периода» философа: «Критика чистого разума» и «Критика способности суждения». Первая раскрывает взгляды Канта на структуру и механизмы познания, вторая – на проблему красоты, феномен гения и природу прекрасного. Эти труды даны в сокращении и с комментариями, призванными в доступной форме прояснить самые витиеватые и сложные места кантовской мысли. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 1(091)(430)

ББК 87.3(4Гем)

ISBN 978-5-17-146235-2

© Кант И., 1781

© Издательство АСТ, 1781

Содержание

Хронометр для современности	6
Критика чистого разума	12
Предисловие к первому изданию	12
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Иммануил Кант

Критика чистого разума

В оформлении издания использованы иллюстрации из архива Shutterstock.

Составление, предисловие, преамбулы к текстам, комментарии *А. В. Маркова*

© М. Левина (наследники), перевод, 2022

© А. Арамян комментарии, 2022

© А. Марков, предисловие, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Хронометр для современности

Иммануил Кант (1724–1804) – первое имя, которое вспоминается, когда с серьезным выражением лица говорят “философия”, здесь с ним соперничать может разве Платон. Если нам предложат поставить бюст у входа на философский факультет, или украсить узнаваемым изображением шкаф с философскими книгами, мы в первую очередь вспомним Канта. Сам Кант в предисловии ко второму изданию “Критики чистого разума” сравнил себя с Коперником, доказавшим движение земли вокруг солнца: если раньше философы обычно считали, что их представления об окружающем мире, их понятия и категории “естественны”, что сами люди принадлежат “порядку природы” и видят всё как есть, теперь оказалось, что сами понятия, категории и даже опыт моделируются по определенным правилам. Человек перестал быть центром познания окружающего мира, накопления опыта и его осмысления, а сам превратился в большой вопрос, откуда он что знает, понимает, мыслит, почему вообще стал человеком. После коперниканского поворота уже нельзя было гордо говорить “Я много поработал, поэтому мои знания достоверны”, но следовало ставить проблему: “Каковы те предпосылки, которые сделали мое сознание независимым, которые позволили мне иметь убеждения и надеяться, действовать и мыслить дальше?” Без Канта поэтому не было бы ни Дарвина, ни Эйнштейна, ни привычных нам космических полетов и компьютерных сетей, или всё это возникло бы с опозданием.

При этом у Канта были и при жизни, и после смерти противники и ненавистники. Так, следующие поколения немецких философов, идеалисты, как Фихте, Шеллинг и Гегель, клялись, что Кант для них это всё, это философия как таковая, но некоторые утверждения Канта казались им слишком смелыми. Например, Кант утверждал, что вещь сама по себе непознаваема, “вещь в себе”, вещь как таковая: потому что мы воспринимаем данные о вещи, вроде ее цвета или формы, но не можем схватить и вместить в наш ум “такое” этой вещи. Вместить умом чужую сущность – это всё равно как запихнуть в папку не документ на владение гектаром, а сам гектар земли. Но немецкие последователи Канта предположили, что с нашим умом могут происходить невероятные приключения, так что он вместит и сущности: например, если мы можем познать себя, можем познать и целый мир. Так возникло явление “континентальной философии”, философии Франции, России, Германии и других европейских стран, исходящей из того, что наше сознание вдруг может стать совсем другим, не таким как раньше, – тогда как противостоящая ей “аналитическая философия” англоязычного мира пытается быть верной строгому Канту, адаптируя его к современным проблемам, таким как искусственный интеллект.

Но начнем с самого начала. Кант был немецким профессором, строго университетским человеком с юности, не мыслившим жизни вне университета. Научным исследованиям он подчинил и распорядок дня, и самый быт строил как существование при университете – его скромная жизнь напоминает нынешних ученых, готовых ночевать на раскладушке в лаборатории, пока длится эксперимент. Родился он и прожил всю свою жизнь в Кёнигсберге, нынешнем Калининграде, его отец, имевший шотландские корни, изготавливал конскую сбрую, и подростком Кант должен был много помогать часто болевшему отцу. О школе Кант сохранил только самые плохие воспоминания, как о каторге: постоянное заучивание наизусть античных поэтов и библейских книг хотя и развивало память, но не позволяло знакомиться с новейшими научными открытиями. Свою первую работу, “Мысли об истинной оценке живых сил”, он написал в 20 лет, причем не на академической латыни, а на родном немецком, что было довольно дерзким для начинающего исследователя (примерно как сейчас создать вместо научной статьи видеоблог с демонстрацией экспериментов перед камерой) – и хотя она страдала обычными недостатками юношеских работ, многословностью, переусложненностью термино-

логии, чрезмерным отвлечением на частные сюжеты, в ней уже в зародыше была будущая большая мысль. Молодой Кант рассуждал примерно так, что мы всегда отличаем живое от мертвого, хотя у нас нет достаточных опытных знаний, например, мы не разобрались, живые или мертвые кораллы или полипы – следовательно, кроме опытных знаний, в нас есть некоторая разумная “метафизическая” способность, порождающая необходимые *категории* для нашего знания. Когда Канту было 22 года, умер его отец, и ему пришлось взять на себя попечение об осиротевших братьях и сестрах, и зарабатывать уроками, разъезжая по окрестностям Кёнигсберга. Только через восемь лет он смог вернуться свободным человеком в университет, защитить диссертацию и приступить к преподаванию.

Вступив на кафедру, он публиковал, иногда анонимно, естественнонаучные сочинения о том, например, менялось ли положение оси земли относительно орбиты или существуют ли другие галактики. Кант исходил из того, что поскольку о прошлом вселенной у нас нет достоверных свидетельств, мы должны предполагать, что само ее состояние могло быть другим – так, философ предположил, что вселенная изначально была облаком пыли, и что небесные тела оформились благодаря силам притяжения и отталкивания. Кант всегда делал неожиданные выводы из самоочевидных вещей – планеты Солнечной системы, орбиты которых лежат на одной плоскости, напомнили ему вращающуюся юлу – а значит, сказал он, солнечная система была изначально быстрым вращением постепенно скомковавшегося облака, и за Сатурном должны быть еще планеты – эта гипотеза потом была подтверждена астрономом Лапласом. Канту при этом не всегда везло – Кенигсберг считался провинциальным городом, большая часть жителей, включая его родителей, были привержены *пиеетизму* – строгой версии протестантизма, запрещающей развлечения и излишнюю пылкость, а книги Канта долгое время с трудом расходились и редко попадали к французским или английским коллегам.

Канон преподавания в немецких университетах XVIII века создали Христиан фон Вольф (германский учитель нашего М. В. Ломоносова; Вольф и ввел моду писать по-немецки, а не по-латыни научные труды) и Александр Баумгартен. Если кратко, этот канон требовал давать исчерпывающее освещение любой дисциплины: учебники по всем наукам строились как пособия по геометрии, где есть аксиомы, теоремы, задачи, гипотезы, доказательства, но главное, такая трактовка всех явлений, что ни одно из них не должно остаться неохваченным. Уроки в университетах проходили не так, как привыкли мы – у нас профессор обычно рассказывает о новых достижениях науки, о самой свежей статье, которую прочел, или об эксперименте, прямо сейчас поставленном коллегами. Во времена Канта были канонические учебники по всем дисциплинам, от метафизики до механики, и нужно было на уроках толковать эти учебники и объяснять, как что в них работает, как решать любые задачи, которые могут встать перед профессионалом. Кант за свою жизнь прочел множество курсов, по самым разным дисциплинам, и ему, конечно, наследовали последующие философы – Гегель на своих лекциях одинаково успешно мог говорить о природе электричества и об особенностях права различных стран, с той разницей, что ему уже, в отличие от Канта, разрешено было импровизировать. Так, в первые же годы преподавательской карьеры Канта, с 1758 по 1762 г., Кенигсберг находился под контролем России, и русские офицеры изучали под руководством Канта, например, баллистику – науку о полете пуль и снарядов. Русские войска принесли с собой балы, обеды и другие веселые обычаи, запрещенные до этого в строгом Кенигсберге, и Кант стал тоже выходить в свет; хотя общество его обычно тяготило, необходимость общаться с гостями не позволяла ему писать, и он предпочитал кабинет и кафедру любым развлечениям. Кант так и не женился до конца жизни – гнет бедности в юные годы, безвестности в более поздние, отсутствие наследства и привычка браться за любую работу, не отвлекаясь на домашние дела, низкие шансы на получение профессорской должности даже в своем провинциальном университете, оставили на нем неизбывный след. Профессором он стал только в 1770 году, а до этого читал ежедневно за скудное вознаграждение, а карьерно его обходили более ловкие и менее

интеллектуально строптивные преподаватели. Впрочем, холостяками были и некоторые другие его современники, славившиеся аккуратностью и добросовестностью, например, шотландский экономист и философ Адам Смит.

Период создания Кантом естественнонаучных сочинений обычно называется “докритическим” – Кант много занимался развитием логики различных наук, но еще не ставил под вопрос привычную логику рассуждений – может ли так случиться, что мы вообще рассуждаем об устройстве мира неправильно? Пример упомянутых Вольфа и Баумгартена, создавших “гносеологию” – отдельную науку о том, как мы познаем, вдохновил Канта на создание своей *критической философии*, в которой он, впрочем, безжалостно опровергал своих заочных учителей. Переходным стал труд Канта 1762 года “Ложное мудрствование в четырех фигурах силлогизма”, где Кант показал, что даже самые правильные логические рассуждения могут приводить к ложным выводам: например, можно вывести из того, что мы анализируем природные явления, доступность природы анализу, это будет логично, но ошибочно, потому что в природе нет никакого анализа, он есть только в нашей мысли. Так перед Кантом и встала масштабная задача создания критической философии, которая откроет законы мысли так же, как естественные науки открыли законы природы. Как естественные науки выяснили, что возможно, что вероятно, чего не может быть, а что, наоборот, непременно проявится, – так точно и законы разума должны были объяснить, когда возможна мысль, когда возможно познание, когда возможно понимание истины, чтобы не принимать самые благонамеренные иллюзии за настоящее знание.

Начнем с “Критики чистого разума”, над которой Кант работал много лет, пока не выпустил ее в 1781 году в Риге. Хотя размышлял Кант над вопросами, поставленными в книге, еще с начала преподавания, например, делая заметки на полях тех учебников, по которым читал лекции, сам текст он создал весьма быстро – ему показалось, что если он не запишет всё, что надумал, сложная система пропадет для людей. В этой книге Кант строго различил *разум* и *рассудок*. Рассудок – это способность сопоставлять явления, видеть причину и следствие, взаимную зависимость, это можно сказать “синтаксис” мышления, который и делает человека пронизательным и сообразительным. А разум – способность знать и выражать свои мысли, придавать им форму, понимать происходящее как таковое, то есть то, что мы называем “пониманием” и “высказыванием”. Кант определил разум как способность давать *априорное* знание, то есть знание, которое мы не можем оспорить исходя из наблюдений – например, знание, что ничего не бывает без причины. Причину со следствием мы связываем благодаря рассудку; но понимаем, что причины существуют, что вообще есть такая вещь как “причина”, благодаря разуму. И вот *чистый* разум отличается от прикладного тем, что он изучает не наличие причин вокруг, а причины как таковые, как вообще возможна такая вещь как причинность. Критика чистого разума – это выяснение того, что такой разум может, а что – нет, например, может ли он, дав определение причинности, закрыть навсегда вопрос, может ли он познать все виды причинности, может ли он угадать по познанной причинности непознанную? Иначе говоря, может ли нас постановка самых общих вопросов привести к новым открытиям в науке? – и критика разума облегчает этот путь к открытиям и блокирует путь к заблуждениям, когда мы, например, принимаем часть за целое.

Из рассуждения о границах чистого разума следует понятие о трансцендентальном знании – то есть знании, которое мы не извлекаем из вещей, из опыта, из наблюдений, но получаем априорно. Например, мы знаем, что ничего не бывает без причины, и трансцендентальным знанием будет то, что возможное может стать действительным, может осуществиться в пространстве и времени. Например, приводя пример из наших дней, искусственный интеллект пока возможен только частично, но нейросети делают искусственный интеллект действительным. Кант называет это признание действительности какой-то вещи пугающим выражением “трансцендентальный синтез апперцепции”, а говоря привычными словами, превращение

наблюдения в догадку, например, когда мы сейчас понимаем, как работает компьютер и сами делаемся программистами, или как устроена вселенная, и становимся астрофизиками, делающими головокружительные открытия. А возможность связать чувственное и интеллектуальное Кант обозначил словом “схематизм” – например, что мы называем компьютер “машиной”, а не “растением” или “животным” даже при всей нашей любви к животным (разве что только очень ласково) – это схематизм нашего понимания технических операций. Из априорного знания об искусственном как условии возникновения всего, что соперничает с природой, мы получаем трансцендентальное знание о том, как нейросети генерируют те самые искусственные идеи, востребованные в науке и управлении – и поэтому и можем стать специалистами по искусственным интеллектам. Так что критика чистого разума, предпринятая Кантом, продолжает создавать новые науки, необходимые для прогресса человечества.

Старую логику Кант заменяет “трансцендентальной диалектикой”, то есть способностью рассуждать о возможном и необходимом. Например, как можно доказать, что свобода – не иллюзия, если человек укоренен в природе и обстоятельствах; как можно обосновать в том числе политическую свободу? Трансцендентальная диалектика отвечает на этот вопрос, исследуя, при каких условиях появляются иллюзии и при каких условиях появляются те представления, которые связаны со свободой. Например, мы можем представить себе бесконечность, по крайней мере как некоторую идею, – тогда как природа не может представить себе бесконечность: ну не может какое-то животное или планета стать бесконечной и необъятной. Следовательно, мы обладаем той свободой, которой не обладает природа, и можем действовать свободно и ответственно. Завершает свои рассуждения Кант тем, что мы не можем теоретически употребить разум, раз он работает с идеями, а не опытным материалом, а только практически: например, нам трудно или почти невозможно сказать, насколько свободно животное или атом, но мы можем сказать, что без свободы мы не реализуем себя и не станем достаточно нравственными.

В 1788 и 1790 году Кант выпускает как бы два “сиквела” своей главной книги – соответственно, “Критику практического разума” и “Критику способности суждения”. Практический разум – это применение воли к действию, с чем мы сталкиваемся каждый день: например, пойти ли погулять, чтобы укрепить здоровье, или не отвлекаться от работы; одолжить ли соседу очередной раз или дать ему совет, как найти работу. Кант исходит из того, что практический разум не может руководствоваться чувствами – ведь чувства у всех разные, и может так быть, что мы столкнемся с разумными существами, дикарями или инопланетянами (Кант разделял некоторые расистские предрассудки своего времени и допускал существование инопланетян), у которых чувственность устроена совсем иначе, но которые должны с нами вести себя нравственно. Поэтому единственным основанием нравственности является *долг*, который следует понимать не как “чувство долга”, но как юридическую ситуацию признания за другим привилегий разума: что другой не глупее тебя в нравственных делах, а значит, нужно выстроить отношения исходя из того, что и добро вы можете понять одинаково, если должным образом будете относиться друг к другу. Излишнее мнимое добро, например, постоянное одалживание денег лентяю, может развратить человека, причем не только получающего, но и принимающего – тогда как нахождение общего закона, вроде “Кто не работает – тот не ест”, и создаст нравственную норму среди людей. Эта *деонтология* (учение о долге) Канта много раз оспаривалась – ведь бывают уникальные ситуации, когда как раз надо помочь лентяю, если, например, он талантливый поэт, нуждающийся в спонсорской поддержке. Но Кант скорее давал общие правила, чем рассуждал об исключениях.

В этой же книге Кант говорил об антиномиях, иначе говоря, противоречиях практического разума. Дело в том, что добро нельзя понимать чувственно, потому что тогда добром будет, например, украсть у другого кошелек и наслаждаться приобретенным – то есть добро относится не к “феноменам”, а к “ноуменам”, по-русски умопостижаемому. Но умопостижае-

мое всегда создает противоречия: например, добро *по идее* может быть только безусловным добром, иначе оно зависимо от обстоятельств и может нас подвести, но ничего безусловного в социальном мире, мире обстоятельств и нюансов, где за поступками чаще всего стоит банальный эгоизм, не бывает. Как преодолеть эту антиномию? Кант говорит, что в некотором смысле только после смерти – безусловность добра подтверждается столь же безусловным бессмертием души, неотменимостью уже сбывшегося бытия, или хотя бы бессмертием наших поступков. Конечно, на опыте мы не можем убедиться в бессмертии души или поверить в это, – но зная о бессмертных поступках, о героизме, мы убеждаемся и в этом бессмертии нашей личности, какой-то доли нашего сознания.

Если вторая “Критика” посвящена этике, то третья – эстетике, учению об условиях, при которых мы нечто оцениваем как прекрасное или вообще значительное. Кант рассуждает так: для того, чтобы мы свободно и ответственно оценили нечто как прекрасное, мы должны знать, что существуем мы, кто оценивает нечто как прекрасное, кто оказались в той ситуации, когда мы можем видеть прекрасное. Таким образом, суждение – это прежде всего рефлексия, размышление над тем, кто мы такие, что мы в том числе увидели в мире что-то прекрасное. Поэтому восприятие красоты Кант называет “незаинтересованным созерцанием” – глядя на прекрасную вещь, мы меньше всего думаем, как ее использовать, и поэтому сразу же обращаемся от свойств предмета к самому действию нашей рефлексии. Например, влюбившись, мы не столько думаем о будущей семейной жизни, сколько не спим целую ночь, мечтаем, смотрим на луну и слушаем соловьев: оказываемся в ситуации рефлексивной чувственности и рефлексивного понимания ситуации, а не привычного нам планирования. Понятие долга здесь уже не работает – здесь есть другое понятие, о собственных автономных свойствах прекрасного предмета: например, если он нам откликнулся, скажем, предмет любви показал собственное благорасположение к нам, восхитился нами, то прекрасное становится “возвышенным”, иначе говоря, сразу производящим некоторый сюжет. Но мы видим, что во всех трех “Критиках” в центре стоят не предметы окружающего мира, а *понятия*, – и приключения этих понятий Кант и исследует, примерно как сейчас знатоки романов и сериалов исследуют стандартные сюжетные ходы и потому разбираются, какими будут сериалы в новом сезоне и какие там сюжетные ходы будут применены.

Хотя Кант и вел жизнь отшельника и при жизни был известен в основном только специалистам, он хотел увидеть торжество своей философии – одно время ему показалось, что революция во Франции и реализует его идеал свободы, но он вскоре разочаровался в политике как слишком суетливой и эгоистичной. Под конец жизни он сделался знаменитостью, но своеобразной – о нем знали все, кто интересовались судьбами современных естественных наук и политической теории, но его “Критики” находили путь к читателю постепенно – слишком необычной была постановка многих вопросов. Только после его смерти, в эпоху наполеоновских войн, вдруг оказалось, что привычный мир может стать совсем другим, все старые институты могут уступить место новым, и Кант из провинциального эксцентричного гения, как на него смотрели многие при жизни, превратился во всемирно известного философа, каждая строка которого заслуживает изучения. Оказалось, что для опытов с электричеством, развития телеграфа, реформы армии и суда, планирования деловых операций и многого другого нужна философия Канта – причем не его простых работ по частным вопросам, а самых масштабных “Критик”. Эти книги открыли человечеству, что возможен другой мир, возможен неотменимый технический прогресс, возможна новая дипломатия, новые системы права и политики, бережное отношение к природе и многое другое – например, развитие бюрократии в XIX веке и менеджмента в XX веке во многом подпитывалось учением Канта об императивах долга. Но Кант – это и мыслитель для каждого из нас, когда мы смотрим, как под неизменным звездным небом мир меняется и хотим сами его изменить к лучшему.

Александр Марков, профессор РГГУ

Критика чистого разума

Предисловие к первому изданию

На долю человеческого разума в одном из видов его познания выпала странная судьба: его осаждают вопросы, от которых он не может уклониться, так как они навязаны ему его собственной природой, но в то же время он не может ответить на них, так как они превосходят возможности человеческого разума.

Это может напомнить известную цитату из Аристотеля: «Все люди от природы стремятся к знанию».

В такое затруднение разум попадает не по своей вине. Он начинает с основоположений, применение которых в опыте неизбежно и в то же время в достаточной мере подтверждается опытом. Опираясь на них, он поднимается (как этого требует и его природа) все выше, к условиям более отдаленным. Но так как он замечает, что на этом пути его дело должно всегда оставаться незавершенным, потому что вопросы никогда не прекращаются, то он вынужден прибегнуть к основоположениям, которые выходят за пределы всякого возможного опыта и тем не менее кажутся столь несомненными, что даже обыденный человеческий разум соглашается с ними. Однако вследствие этого разум погружается во мрак и впадает в противоречия, которые, правда, могут привести его к заключению, что где-то в основе лежат скрытые ошибки, но обнаружить их он не в состоянии, так как основоположения, которыми он пользуется, выходят за пределы всякого опыта и в силу этого не признают уже критерия опыта. Арена этих бесконечных споров называется метафизикой.

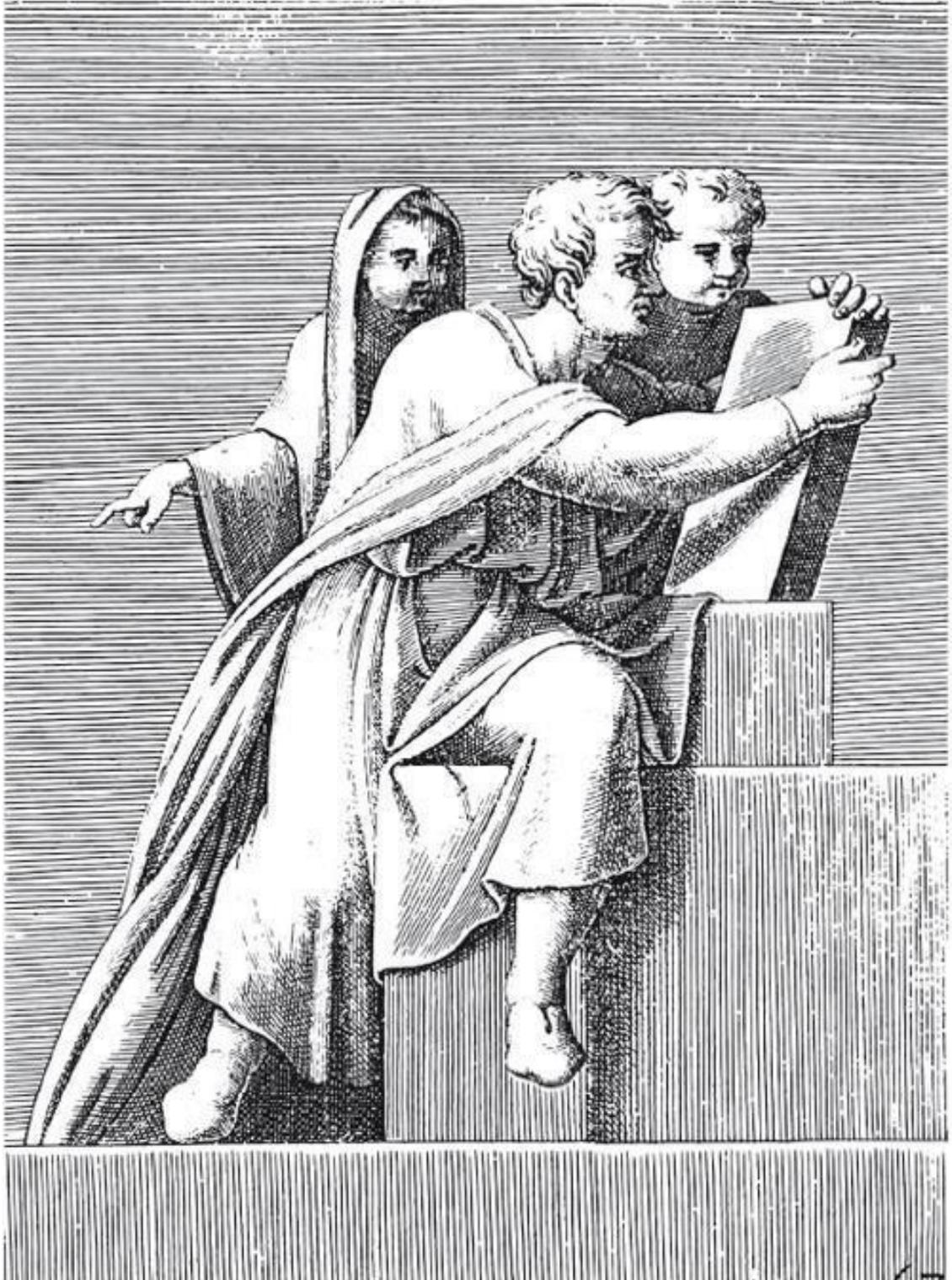
Под метафизикой изначально подразумевался корпус работ Аристотеля, которые не вошли в «Физику». Приставка «мета» означает «после», то есть после физики. Позднее (преимущественно в Новое время) под метафизикой подразумевали бесплодное знание, оторванное от опыта. Справедливости ради нужно отметить, что тогда, в Новое время, отличали метафизику и философию; вторая занимала крайне важную и почетную позицию.

Было время, когда метафизика называлась царицей всех наук, и если принимать желание за действительность, то она, конечно, заслуживала этого почетного названия ввиду большого значения своего предмета. В наш век, однако, вошло в моду выражать к ней полное презрение, и эта матрона, отвергаемая и покинутая, жалуется подобно Гекубе: *modo maxima rerum, tot generis natisque potens – nunc trahor exul, inops* (Ovid., *Metam.*)¹.

Вначале, в эпоху догматиков, господство метафизики было деспотическим. Но так как законодательство носило еще следы древнего варварства, то из-за внутренних войн господство метафизики постепенно выродилось в полную анархию, и скептики – своего рода кочевники, презирающие всякое постоянное возделывание почвы, – время от времени разрушали гражданское единство. К счастью, однако, их было мало, и они поэтому не могли мешать догматикам вновь и вновь приниматься за работу, хотя и без всякого согласованного плана. Правда, в Новое время был момент, когда казалось, что всем этим спорам должен был быть положен конец некоторого рода физиологией человеческого рассудка ([разработанной] знаменитым

¹ Недавно во всем изобильна, Стольких имев и детей, и зятьев, и невесток, и мужа, Пленницей нищей влачусь... (Овидий. *Метаморфозы*). – *лат.*

Локком) и что правомерность указанных притязаний метафизики вполне установлена. Однако оказалось, что хотя происхождение этой претенциозной царицы выводилось из низших сфер простого опыта и тем самым должно было бы с полным правом вызывать сомнение относительно ее притязаний, все же, поскольку эта генеалогия в действительности приписывалась ей ошибочно, она не отказывалась от своих притязаний, благодаря чему все вновь впадало в обветшалый, изъеденный червями догматизм; поэтому метафизика опять стала предметом презрения, от которого хотели избавить науку.

В настоящее время, когда (по убеждению многих) безуспешно испробованы все пути, в науке господствует отвращение и полный индифферентизм – мать Хаоса и Ночи, однако в то же время заложено начало или по крайней мере появились проблески близкого преобразования и прояснения наук, после того как эти науки из-за дурно приложенных усилий сделались темными, запутанными и непригодными.

Джон Локк – известный английский эмпирик Нового времени. Он является основателем того, что в современном смысле слова можно было бы назвать «сознанием».

В самом деле, напрасно было бы притворяться безразличным к таким исследованиям, предмет которых не может быть безразличным человеческой природе. Ведь и так называемые индифферентисты, как бы они ни пытались сделать себя неузнаваемыми при помощи превращения ученого языка в общедоступный, как только они начинают мыслить, неизбежно возвращаются к метафизическим положениям, к которым они на словах выражали столь глубокое презрение. Однако указанное безразличие, возникшее в эпоху расцвета всех наук и затрагивающее как раз тех, чьими познаниями, если бы они имелись, менее всего следовало бы пренебрегать, представляет собой явление, заслуживающее внимания и раздумья. Совершенно очевидно, что это безразличие есть результат не легкомыслия, а зрелой способности суждения нашего века, который не намерен больше ограничиваться мнимым знанием и требует от разума, чтобы он вновь взялся за самое трудное из своих занятий – за самопознание и учредил бы суд, который бы подтвердил справедливые требования разума, а с другой стороны, был бы в состоянии устранить все неосновательные притязания – не путем приказания, а опираясь на вечные и неизменные законы самого разума. Такой суд есть не что иное, как критика самого чистого разума.

Я разумею под этим не критику книг и систем, а критику способности разума вообще в отношении всех знаний, к которым он может стремиться независимо от всякого опыта, стало быть, решение вопроса о возможности или невозможности метафизики вообще и определение источников, а также объема и границ метафизики на основании принципов.

Кант пытается найти источник знания вне всякого опыта, то есть необходимые условия возможности получения опыта. Прояснить знания в области этих условий – значит прояснить многие научные положения.

Этим единственным оставшимся путем пошел я теперь и льщу себя надеждой, что на нем я нашел средство устранить все заблуждения, которые до сих пор ссорили разум с самим собой при его независимом от опыта применении. Я не уклонился от поставленных человеческим разумом вопросов, оправдываясь его неспособностью [решить их]; я определил специфику этих вопросов сообразно принципам и, обнаружив пункт разногласия разума с самим собой, дал вполне удовлетворительное решение их. Правда, ответ на эти вопросы получился не такой, какого ожидала, быть может, догматически-мечтательная любознательность; ее могло бы удовлетворить только волшебство, в котором я не сведущ. К тому же и естественное назначение нашего разума исключает такую цель, и долг философии состоял в том, чтобы уничтожить иллюзии, возникшие из-за ложных толкований, хотя бы ценой утраты многих признанных и излюбленных фикций. В этом исследовании я особенно постарался быть обстоятельным и смею утверждать, что нет ни одной метафизической задачи, которая бы не была здесь разрешена или для решения которой не был бы здесь дан по крайней мере ключ. Чистый разум и на самом деле есть такое совершенное единство, что если бы принцип его был недостаточен для решения хотя бы одного из вопросов, поставленных перед ним его собственной природой, то его пришлось бы отбросить целиком, так как он оказался бы непригодным для верного решения и всех остальных вопросов.

Говоря так, я мысленно вижу на лице читателя смешанное с презрением недовольство по поводу таких с виду хвастливых и нескромных притязаний. Между тем они несравненно скромнее, чем притязания какого-нибудь автора самой обыкновенной программы, в которой он уверяет, что доказал простую природу души или необходимость начала мира. В самом деле, такой автор берется расширить человеческое знание за пределы всякого возможного опыта, тогда как я скромно признаюсь, что это совершенно превосходит мои силы. Вместо этого я имею дело только с самим разумом и его чистым мышлением, за обстоятельным знанием которых мне незачем ходить далеко, так как я нахожу разум в самом себе, и даже обыкновенная логика дает мне примеры того, что все простые его действия могут быть вполне и систематически перечислены. Но здесь возникает вопрос, чего я могу достигнуть посредством разума, если я не прибегаю к помощи опыта и к его данным.

Строгая задача Канта – это прочертить границы познания, то есть показать, где познание возможно, а где нет. Эта претензия кажется куда менее самоуверенной, чем претензии тех, кто пытается еще непонятую механику познания применить для освоения всего мира.

Это все, что мы хотели сказать относительно полного достижения каждой цели и относительно обстоятельности в достижении всех целей вместе взятых, которые поставлены перед нами не чьим-то предписанием, а природой самого познания, составляющего предмет нашего критического исследования.

Далее, что касается формы исследования, то достоверность и ясность принадлежат к числу существенных требований, которые справедливо могут быть предъявлены автору, отваживающемуся на такое опасное начинание.

Что касается достоверности, то я сам вынес себе следующий приговор: в такого рода исследованиях никоим образом не может быть позволено что-либо лишь предполагать, в них все, что имеет хотя бы малейшее сходство с гипотезой, есть запрещенный товар, который не может быть пущен в продажу даже по самой дешевой цене, а должен быть изъят тотчас же после его обнаружения. Ведь всякое познание, устанавливаемое а priori, само заявляет, что оно требует признания своей абсолютной необходимости; тем более должно быть таковым определение всех чистых априорных знаний, которое должно служить мерилom и, следовательно, примером всякой аподиктической (философской) достоверности. Выполнил ли я в этом отношении то, за что взялся, об этом я полностью предоставляю судить читателю, так как автору приличествует только показать основания, но не высказывать свое мнение о том, какое действие они оказывают на его судей. Но для того чтобы какое-нибудь случайное обстоятельство не ослабило этого действия, пусть автору будет предоставлено право самому отмечать места, которые могли бы дать повод к некоторому недоверию, хотя они имеют отношение лишь к побочным целям; это необходимо для того, чтобы своевременно остановить то влияние, которое могли бы иметь на суждение читателя относительно главной цели даже малейшие сомнения его в этом пункте.

Достоверность и ясность – это требования, идущие от Декарта. Если требования соблюдены, то знание считается общезначимым.

Я не знаю других исследований, которые для познания способности, называемой нами рассудком, и вместе с тем для установления правил и границ ее применения были бы важнее, чем исследования, проведенные мной во второй главе «Трансцендентальной аналитики» под заглавием «Дедукция чистых рассудочных понятий». Зато они и стоили мне наибольшего труда, но я надеюсь, что этот труд не пропал даром. Это достаточно глубоко придуманное исследование имеет, однако, две стороны. Одна относится к предметам чистого рассудка и должна раскрыть и объяснить объективную значимость его априорных понятий; именно поэтому она и входит в мои планы. Другая сторона имеет в виду исследование самого чистого

рассудка в том, что касается его возможности и познавательных способностей, на которых он сам основывается, иными словами, исследование рассудка с точки зрения субъекта, и хотя выяснение этого имеет огромное значение для поставленной мной главной цели, оно, однако, не входит в нее по существу; в самом деле, основной вопрос состоит в том, что и насколько может быть познано рассудком и разумом независимо от всякого опыта, а не в том, как возможна сама способность мышления. Последнее есть как бы поиски причины к данному действию, и в этом смысле оно заключает в себе нечто подобное гипотезе (хотя на самом деле это не так, и я поясню это в другом месте). Вот почему может показаться, что в данном случае я позволяю себе высказать лишь свое предположение, но тогда и читателю должна быть предоставлена свобода иметь свое мнение. Ввиду этого я должен напомнить читателю, что в случае если моя субъективная дедукция не вызовет в нем полной убежденности, на которую я рассчитываю, то все же объективная дедукция, которой я придаю здесь наибольшее значение, сохраняет всю свою силу.

Причиной, по которой для исследования взята только трансцендентальная область, является то, что опыт случаен, а Канту важно показать всеобщие механизмы работы познавательной деятельности.

Наконец, что касается ясности, то читатель имеет право требовать прежде всего дискурсивной (логической) ясности посредством понятий, а затем также интуитивной (эстетической) ясности посредством созерцаний, т. е. примеров или других пояснений *in concreto*. О ясности посредством понятий я позаботился в достаточной степени; это касалось сути моей цели, но и было случайной причиной того, что я не мог в достаточной степени удовлетворить второму, правда не столь строгому, но все же законному требованию. На протяжении всей своей работы я почти все время колебался, как поступить в этом отношении. Примеры и пояснения казались мне всегда необходимыми, и поэтому в первом наброске они и в самом деле были приведены мной в соответствующих местах. Однако вскоре я убедился в громадности своей задачи и многочисленности предметов, с которыми мне придется иметь дело, и так как я увидел, что этот материал уже в сухом, чисто схоластическом изложении придаст значительный объем моему сочинению, то я счел нецелесообразным еще более расширить его примерами и пояснениями, которые необходимы только для популярности, между тем как мою работу нельзя было приспособить для широкого распространения, а настоящие знатоки науки не особенно нуждаются в такого рода облегчении. Такое облегчение, конечно, приятно, но здесь оно могло бы повлечь за собой нечто противоречащее поставленной мной цели. Правда, аббат Террасон говорит: если измерять объем книги не числом листов, а временем, необходимым для того, чтобы ее понять, то о многих книгах можно было бы сказать, что они были бы значительно короче, если бы они не были так коротки. Но с другой стороны, если добиваются понятности пространныго, но объединенного одним принципом целокупности спекулятивных знаний, то с таким же правом можно было бы сказать: некоторые книги были бы гораздо более ясными, если бы их не старались сделать столь ясными. В самом деле, средства, способствующие ясности, помогают пониманию отдельных частей, но нередко отдаляют понимание целого, мешая читателю быстро обозреть целое, и своими слишком яркими красками затемняют и скрадывают расчленение или структуру системы, между тем как именно от структуры системы главным образом и зависят суждения о ее единстве и основательности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.